

Рец. на кн.: Е.Г. ЛАПИНА-КРАТАСЮК, О.В. МОРОЗ, Е.Г. НИМ (РЕД.).
**НАСТРОЙКА ЯЗЫКА: УПРАВЛЕНИЕ КОММУНИКАЦИЯМИ
НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ.**

М.: Новое литературное обозрение, 2016. 448 с.
(Научное приложение. Вып. 153)

Капитолина Сергеевна Федорова

Европейский университет в Санкт-Петербурге
3 Гагаринская ул., Санкт-Петербург, Россия
fedorova@eu.spb.ru

Аннотация: То, как люди пользуются языком в повседневной и культурной жизни, многое говорит не только об условиях, в которых они живут, но и о том, как они сами видят и / или стремятся видеть свою жизнь и место в мире. Неслучайно во все времена и при всех политических режимах люди, претендующие на власть, стремятся взять под контроль не только финансы и политические процессы, но и язык, чтобы диктовать с его помощью свою волю. Другое дело, что попытки эти довольно часто оказываются неудачными и язык ускользает из цепких объятий власти, порождая в результате нечто прямо противоположное изначальному замыслу — языковую игру, шутку, анекдот. Тем интереснее следить за этими процессами профессиональным лингвистам, для которых язык — не молоток для вбивания идей в головы сограждан, а тонкий измерительный прибор, чутко реагирующий на малейшие социальные изменения. Коллективная монография, подготовленная в рамках научно-исследовательской программы ШАГИ РАНХиГС, ставит своей задачей отразить языковые процессы, происходящие в русском языковом пространстве, и связать различные режимы использования языка, обновляющиеся «дискурсы и вокабуляры» с социальными и культурными практиками и нормами постсоветских стран.

Ключевые слова: языковая политика, дискурс, постсоветские страны, исследования коммуникации, социолингвистика, языковые процессы, режимы использования языка.

Для ссылок: Федорова К. Рец. на кн.: Е.Г. Лапина-Кратасюк, О.В. Мороз, Е.Г. Ним (ред.). *Настройка языка: управление коммуникациями на постсоветском пространстве*. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 448 с. (Научное приложение. Вып. 153) // *Антропологический форум*. 2017. № 34. С. 259–269.

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/034/fedorova.pdf>

ANTROPOLOGICHESKIJ FORUM, 2017, NO. 34

**A Review of E. G. LAPINA-KRATASYUK, O. V. MOROZ, E. G. NIM (EDS.),
NASTROYKA YAZYKA: UPRAVLENIE KOMMUNIKATSIYAMI
NA POSTSOVETSKOM PROSTRANSTVE [LANGUAGE SETTING:
MANAGING COMMUNICATIONS IN POST-SOVIET SPACE]:**

**A COLLECTIVE MONOGRAPH. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie,
2016, 448 pp. (Nauchnoe prilozhenie. No. 153)**

Kapitolina Fedorova

European University at St Petersburg
3 Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia
fedorova@eu.spb.ru

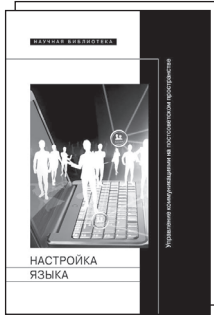
Abstract: The ways people use languages in their everyday life and culture can reveal a lot not only about their circumstances but about the perceptions they have of their lives and positions in society. It is not surprising then that in all times and under any political regimes, people aspiring to power aim to control not only financial and political processes but language as well; it is used to impose their will on others. However, these attempts often fail, and language slips away from them, turning in something totally different — a language game, joke, or jest. That's why this process of “seizing language” is so interesting for professional linguists: they see language not as a hammer for nailing ideas in people's heads, but rather a delicate instrument measuring even tiny social changes. A collective monograph written as part of the research program of the Center for Cultural Studies at the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration seeks to reflect on linguistic processes in the post-Soviet space and find correlations between different regimes of language use, new “discourses and vocabularies”, and social and cultural practices and norms of post-Soviet countries.

Keywords: language policy, discourse, post-Soviet countries, communication studies, sociolinguistics, linguistic processes, regimes of language use.

To cite: Fedorova K., 'A Review of E. G. Lapina-Kratasyuk, O. V. Moroz, E. G. Nim (eds.), *Nastroyka yazyka: upravlenie kommunikatsiyami na postsovetskom prostranstve* [Language Setting: Managing Communications in Post-Soviet Space]: A collective monograph. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2016, 448 pp. (Nauchnoe prilozhenie. No. 153)], *Antropologicheskij forum*, 2017, no. 34, pp. 259–269.

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/034/fedorova.pdf>

Е. Г. Лапина-Кратасюк, О. В. Мороз, Е. Г. Ним (ред.).
Настройка языка: управление коммуникациями на постсоветском пространстве. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 448 с. (Научное приложение. Вып. 153).

То, как люди пользуются языком в повседневной и культурной жизни, многое говорит не только об условиях, в которых они живут, но и о том, как они сами видят и / или стремятся видеть свою жизнь и место в мире. Неслучайно во все времена и при всех политических режимах люди, претендующие на власть, стремятся взять под контроль не только финансы и политические процессы, но и язык, чтобы диктовать с его помощью свою волю. Другое дело, что попытки эти довольно часто оказываются неудачными и язык ускользает из цепких объятий власти, порождая в результате нечто прямо противоположное изначальному замыслу — языковую игру, шутку, анекдот. Тем интереснее следить за этими процессами профессиональным лингвистам, для которых язык — не молоток для вбивания идей в головы сограждан, а тонкий измерительный прибор, чутко реагирующий на малейшие социальные изменения. Коллективная монография, подготовленная в рамках научно-исследовательской программы ШАГИ РАНХиГС, ставит своей задачей отразить языковые процессы, происходящие в русском языковом пространстве, и связать различные режимы использования языка, обновляющиеся «дискурсы и вокабуляры» с социальными и культурными практиками и нормами постсоветских стран.

Ключевые слова: языковая политика, дискурс, постсоветские страны, исследования коммуникации, социолингвистика, языковые процессы, режимы использования языка.

Жанр коллективной монографии, несомненно, один из самых трудных для рецензента. Тексты, созданные разными авторами и объединенные общей, нередко довольно широкой темой и единой редакционной политикой, могут быть настолько разнородными и неравноценными, что очень сложно говорить о книге в целом, а не создавать полтора десятка отдельных рецензий на каждый конкретный раздел. Более того, тексты внутри такого издания могут оказаться методологически и идеологически противоположны друг другу, что вынуждает рассматривать их через набор оппозиций, а не как содержательно единое произведение. В известном смысле это произошло и с коллективной монографией «Настройка языка: управление коммуникациями на постсоветском пространстве», но, как я постараюсь показать в своей рецензии, это на самом деле не недостаток книги, а неизбежное

Капитолина Сергеевна Федорова

Европейский университет
 в Санкт-Петербурге,
 Санкт-Петербург
 fedorova@eu.spb.ru

следствие как наличной языковой ситуации, так и состояния социолингвистики как дисциплины на постсоветском пространстве.

Технологичность названия рецензируемой книги сразу привлекает внимание и может (или должна?) ввести в заблуждение читателя. Использование слова «коммуникация» во множественном числе, наводящее на мысль о трубах, проводах и ЖКХ, и непривычное словосочетание «настройка языка» сразу заставляют сфокусироваться на главном: язык рассматривается здесь как инструмент, причем в самом непосредственном значении слова — как орудие, приспособление, при помощи которого возможно не просто говорить, а *действовать*, а то и *орудовать*. Однако в то же время язык может обращаться не послушным инструментом, а самостоятельной силой, даже стихией, субъективироваться и становиться главным героем действия. Использование разной оптики и фокусировка на различных аспектах коммуникации может смещать анализ в сторону то первого, инструментального, то второго, субъектного, понимания роли языка в обществе. Разумеется, ни одна из этих точек зрения не является всеобъемлющей, и именно их сочетание и создает объемное представление о явлении. Именно поэтому, как мне кажется, отсутствие единого подхода к языку у авторов монографии, вопреки заявленному в названии исключительно инструментальному варианту, хотя и делает не вполне устойчивой конструкцию книги, гораздо в большей степени идет ей на пользу, нежели вредит. То же можно сказать и о других противопоставлениях, которые можно обнаружить между позициями разных авторов, например о наличии или отсутствии критического пафоса, опоре скорее на количественные или качественные методы анализа и т.п. Однако прежде чем объяснить, как научно-дискурсивная неоднородность работает на благо «Настройки языка», необходимо описать структуру книги и дать краткую характеристику отдельным ее частям, не увлекаясь, по возможности, их подробным рецензированием.

Итак, довольно объемная монография (448 страниц), созданная усилиями двадцати пяти разных по своему географическому и институциональному бэкграунду авторов (большинство из которых, впрочем, имеет отношение к трем ключевым аббревиатурам — НИУ ВШЭ, РГГУ и РАНХиГС), состоит из четырех глав, предисловия и вводной статьи Гасана Гусейнова, а также сведений об авторах. Отсутствие в этой схеме послесловия (о чем я еще скажу) бросается в глаза, хотя и не сразу, потому что содержание, помещенное в конец книги, не дает привычно начать чтение с него, и фактически его функцию берет на себя предисловие, в котором обозначаются основные темы.

Кроме того, предисловие проясняет контекст создания книги: она готовилась в одну эпоху, а увидела свет в совершенно иную. Как пишет один из редакторов и автор предисловия Екатерина Лапина-Кратасюк, «к чему мы не вполне были готовы, так это к резкому изменению политического курса в целом и трансформациям языковой политики в частности» (С. 5).

Действительно, из-за этих резких трансформаций возникает странный эффект, наиболее очевидный в разделах, написанных на материале 2011–2012 гг. Читателю, забывающему об этой короткой, но столь принципиальной временной дистанции, странно будет читать у Татьяны Вайзер про поворот современных школьных учебников истории к более разностороннему освещению «спорных» страниц отечественной истории XX в., про то, что в них «намечаются попытки расшатать устойчивый нарратив» (С. 61). Конечно, нынешняя установка на создание «единого учебника истории», как и все попытки регулирования исторической памяти в последние годы, явно противоречит этому тренду. Еще более странными «забывчивому читателю» покажутся цифры, приводимые в статье Сергея Давыдова и Ольги Логуновой, которая посвящена роли постсоветских стран в новостном дискурсе федеральных телеканалов. Утверждения о доминировании внутрироссийских новостей над зарубежными и постоянном снижении роли США в этом дискурсе явно противоречат наблюдаемым вокруг тенденциям. «Настройка языка», таким образом, становится и своего рода историческим свидетельством, напоминанием о том, как сильно и внезапно может измениться коммуникативный режим при изменении политического вектора. Это тот самый неожиданный эффект научного труда, о котором пишет Лапина-Кратасюк.

С научной точки зрения предисловие задает важный методологический тренд. Языковая политика, которая и является основным объектом исследования, понимается максимально широко, а не как исключительно сфера деятельности государства и ассоциированных с ним общественных институтов по регулированию языковых вопросов. Такое узкое понимание было характерно для классических работ 1960–1970-х гг., а также нашло выражение в соответствующих статьях «Википедии», не только русскоязычной, но и, например, англоязычной. Однако современные работы существенно расширили список агентов и сфер применения понятия «языковая политика», включив в него также языковую идеологию, т.е. систему представлений о языке, свойственную его носителям и / или разным группам носителей, а также множество конкретных коммуникативных актов, в которых проявляется эта идеология (см.: [Ricento 2006; Spolsky 2009]). Как становится ясно уже

из предисловия, для «Настройки языка» характерен именно этот подход, она стремится описать и традиционную деятельность «сверху» (государственное регулирование), и процессы, идущие «снизу» (высказывания различных агентов, являющиеся реализацией конкретных языковых идеологий). Другой важной и весьма амбициозной декларируемой задачей является описание географии постсоветского языкового пространства, включая и так называемый «русский мир», который в момент написания книги еще не приобрел своего нынешнего, скомпрометированного для многих значения.

Главы книги посвящены следующим четырем большим сферам «языковой настройки»: 1) литературному языку; 2) языку медиа и прежде всего интернета; 3) политике в отношении миноритарных языков в регионах Российской Федерации; 4) русскому зарубежью. Понятно, что такое разделение во многом условно, так как не строится на одном основании и не превращает четыре главы книги в четыре устойчивые опоры, несмотря на попытку соединить их через использование тех же инструментальных метафор. В названиях глав фигурируют «калибровка» («Языки постсоветской рефлексии: опыт калибровки»), «сети» («Регистры языковой политики: власть и сети»), «сборка» («Постсоветский универсум: сборка языковой и культурной нормы») и «неисправность» («“Другой” как неисправность: дискурс дисперсного пограничья»), однако внимательное чтение содержащихся в них текстов выявляет неполную применимость этого метафорического ряда к анализируемым объектам.

Первая глава наиболее показательна в этом отношении. По сути, ее сквозной сюжет — сопротивление языка любым сознательным попыткам его изменения, а также сила языковой инерции, позволяющая тексту выражать гораздо больше, чем буквальный смысл слагающих его слов. Евгений Савицкий («Между “геноцидом”, “оккупацией” и “братством народов”». Языки описания имперского / колониального прошлого в постсоветскую эпоху») показывает, как современный язык научного описания сохраняет в себе наследие колониального прошлого. Так, на примере проекта «Окраины Российской империи» становится очевидно, что такое сила инерции научного языка. Вопреки декларируемому стремлению преодолеть колониальный дискурс, построить текст «анонимный и объективный, свободный от нарочитой политизированности», происходит возвращение к традиционной повествовательной структуре, выработанной еще историографией XIX в., а сам текст оказывается «крайне тенденциозным в повествовательном и языковом отношении» (С. 35). Язык, таким образом (и даже, казалось бы, строгий и объективный язык науки),

обладает собственной памятью, отлитой в шаблонах и стереотипах, не позволяющих выразить принципиально новое содержание.

В разделе, написанном Татьяной Вайзер («Травматография логоса. Язык травмы и деформация языка в постсоветской поэзии»), язык в полной мере становится субъектом и основным действующим лицом. Речь идет не просто о том, как переживается и отражается травма в литературе, — «перед нами язык, который уже вообще не отсылает к травматическому опыту, но сам в каком-то смысле им является» (С. 58). Неслучайно молодые авторы, для которых война и репрессии середины XX в., казалось бы, не могут быть частью личной истории, задействуют для самовыражения именно этот травматичный опыт предшествующих поколений. Язык, которому долгие годы не позволялось выражать травму, словно «берет свое», возвышается до полной субъектности. Даже в тех случаях, где он выступает объектом чужих манипуляций — «язык российской истории <...> приучался к гладкости, приучался, учился быть придворным, послушным языком “клиентов”» (С. 60), — он сохраняет за собой роль грамматического субъекта, выводя за скобки агентов, тех, кто совершал с ним все эти манипуляции. Травма и последующие попытки ее замолчать ведут, таким образом, не к «настройке» языка, а к полному его «расстройству».

Тот же сюжет продолжает текст Николая Поселягина («“Операция по нейтрализации”». Травма и ее замещение в российском официальном дискурсе»). На примере современного идеологического манипулирования в официальных документах и медиа он демонстрирует, что избегание и замалчивание травмы (например, ряд последовательных вынужденных замечаний «уничтожение противника» / «зачистка» / «контртеррористическая операция» (КТО) / «ликвидация» / «нейтрализация») ведет к подрыву социального порядка изнутри и поглощению все новых, изначально нейтральных слов и выражений травмой. Это, наверно, можно сравнить с механизмом табуирования — вместо прежнего наименования медведя можно придумать новое, по цвету его шкуры, но это, вопреки ожиданиям, не делает медведя хоть сколько-нибудь менее страшным. В качестве возможного рецепта для лечения запущенной и замолчанной травмы и ее следствия — кризиса коммуникативной ситуации, «вавилонского смешения языков» (С. 72), когда в одном социокультурном лексиконе смешаны несоединимые понятия (вспомним пресловутую «суверенную демократию»), Оксана Мороз («Проекты “фундаментального лексикона” постсоветской культуры и экспертный язык русского литературного концептуализма») предлагает проработку трав-

мы через языковой опыт концептуализма. В качестве позитивного примера такой проработки она рассматривает создание «Словаря терминов московской концептуальной школы» (1999).

Наконец, последний раздел первой главы, написанный Ольгой Карповой и Александром Дмитриевым («Реформирование русского правописания: унификация и вариативность»), посвящен, на первый взгляд, совершенно иной теме — орфографическим реформам. Однако на деле этот раздел как бы «вскрывает» инерционность и консерватизм языка, показывая, какие социальные агенты могут стоять за его устойчивостью, почему даже осторожные предложения лингвистов по изменению отдельных аспектов правописания встречают такой гневный отпор. Парадоксальным образом чем образованнее общество, тем сложнее в нем проводить языковые реформы, потому что язык в таком обществе становится достоянием всех и «покушение» на него рассматривается как личное дело каждого.

Интернет — следующий этап этого процесса обобществления языка, так как создает новое публичное (или, возможно, квазипубличное) пространство его использования. Вторая глава книги с подзаголовком «Власть и сети» посвящена двум основным темам: тому, что власть пытается делать в сети и с сетью, и тому, как сам интернет способствует выстраиванию властных отношений. Егор Панченко («Новостной дискурс в государственных интернет-СМИ (на примере сайта “РИА Новости”»)» анализирует, как государственная пропагандистская машина пытается работать в новостной сфере, а Майкл Горам («О “падонках” и “кибердружниках”»: виртуальные источники порчи языка») объясняет, какую угрозу видит власть в интернете и как через дискурсивное формирование его образа как «помойки», где царит анархия и вседозволенность, она пытается взять под контроль эту новую стихию. Язык в этом случае рассматривается властью даже не столько как инструмент, сколько как повод для вмешательства, «серенький волчок», которым можно пугать наивных пользователей. Однако действие равно противодействию, и противники режима отыгрывают ее слова в кривом зеркале пародии.

Александра Архипова, Антон Сомин и Александра Шевелева («С экрана на плакат: дискурс власти в языковой игре оппозиции») на материале базы лозунгов, собранной во время протестных акций 2011–2013 гг., показывают, как в оппозиционных плакатах преломляются и обыгрываются прецедентные тексты и события. Языковая игра достигает максимума (30 % от всех текстов) на пике протестов и практически сходит

на нет после президентских выборов 2012 г. и разочарования в возможности изменений. Здесь хотелось бы отметить обстоятельство, которое не эксплицируют авторы, но которое куда теснее вписывает их «офлайн»-исследование в проблематику главы. Дело в том, что современный активизм является сетевым (и в «онлайн», и в социологическом значении термина), те же лозунги могут придумываться и обсуждаться перед акцией в соцсетях (и в дружеских сетях, онлайнowych и офлайновых), после же (а чаще и непосредственно во время перформанса) неизбежно уходят в сеть, превращаясь в интернет-мемы. Таким образом, «кривое зеркало» не просто отражает неуклюжие попытки власти подмять интернет-коммуникацию, но и порождает новые формы той самой сетевой языковой стихии, с которой власть пытается бороться.

Интернет выглядит малоуправляемым и демократичным. Неслучайно он становится идеальным полем для наблюдений за языковой рефлексией. Ингунн Лунде («Слово напоказ: языковая практика и ее рефлексия в Интернете») вводит чрезвычайно ценный термин «перформативный метаязык», позволяющий делать объектом исследования косвенные и даже внеязыковые метавысказывания. В то же время пользователи интернета, особенно российского его сегмента, как кажется, не вполне удовлетворены его демократичностью и чрезвычайно озабочены проведением всяческих социальных границ. Вера Зверева («Дискурсивное конструирование социальной иерархии в Рунете») выделяет три основных способа выстраивания таких границ: грамотность (т.е. обвинение других в неграмотности или же намеренная аграмматичность); вкус (отсутствие вкуса маркирует «не нас»); слова-маркеры типа «быдло» (сейчас бы мы непременно добавили и «ватников»). Это очень важное наблюдение, потому что в отсутствие типичных для многих западных стран социолфонетических маркеров различных социальных классов, как и сложившейся собственно классовой системы, именно языковая рефлексия в интернете может наглядно продемонстрировать нам, как выстраиваются социальные границы в коммуникации.

Третья и четвертая главы книги возвращают нас к более традиционному пониманию языковой политики (законотворчество, образование, регулирование языков масс-медиа) и методологии (массовые опросы, интервью, данные переписей населения, статистические материалы) и описывают то, что происходит, соответственно, на территории России и за ее пределами. В третьей главе рассматривается ситуация в Татарстане (Екатерина Ходжаева, «Постсоветская языковая политика в образовательной системе Республики Татарстан: дискурс неравен-

ства»), в Мордовии (Ольга Богатова, «Социальные факторы формирования и изменения языкового режима в полиэтническом регионе (на примере Республики Мордовия)»), среди тувинского меньшинства в Красноярском крае (Тамара Журавель, «Языковая ситуация и языковая политика в приграничье (на примере Усинской котловины Красноярского края)»). В четвертой — в Казахстане (Евгения Ним, «Язык и медиа в постсоветском Казахстане: “казахизация” vs. “русификация”») и в Финляндии (Екатерина Протасова, «Языковая политика в современной Финляндии и русский язык»). Несколько менее традиционный подход — через анализ сетевого активизма в создании национальных версий «Википедии» — представлен в статьях, написанных Борисом Ореховым и Кириллом Решетниковым («Государственные языки России в Википедии: к вопросу о сетевой активности миноритарных языковых сообществ») и Ксенией Гусаровой («Украинская Википедия: стихийный агент языковой политики»). Репрезентация постсоветского пространства в телевизионном эфире методами количественного анализа тематических геотегов выполнена Сергеем Давыдовым и Ольгой Лагуновой («Репрезентация ближнего зарубежья в информационных передачах ведущих российских телеканалов»). Однако доминирование географической локализованности и количественных методов анализа в третьей и четвертой главах не означает, что в них не нашлось места для тех же сквозных тем — субъектности-объектности-инструментальности языка, языковой рефлексии, критического пафоса, социальных конфликтов и границ, однако подробный разбор каждого из этих интереснейших случаев просто невозможно вместить в одну рецензию.

Вопреки нормам «нейтрального и объективного» академического письма, но вполне в духе авангардного кино книга внезапно обрывается, и идут титры — сведения об авторах. Разочарованный читатель, которому не дали десерт — повторение многократно пережеванных мыслей в виде заключения, должен или придумать его себе сам, или вернуться к вводной статье Гасана Гусейнова «Русский язык: затянувшийся выход из постсоветского хронотопа». Вся первая часть статьи — своего рода сервировка стола, дразнящее упоминание блюд, которые предстоит отведать читателю, причем не в строгом соответствии с меню-содержанием, а по прихотливой воле шеф-повара. Ближе к концу текста, однако, Гусейнов через изложение исторического прецедента — идеи австрийского дипломата графа Генриха Куденхове сделать русский язык одним из государственных языков Австро-Венгерской империи — переходит к важнейшему для него и книги в целом выводу: «Язык не является коллективной политической личностью, и зло-

употребление им как инструментом политического или административного влияния сулит огромные неприятности» (С. 18). Так нужно ли нам «управление коммуникациями на постсоветском пространстве»? Не приведет ли оно нас «туда не знаю куда»?

Четыре главы книги, как мы видим, хоть и объединены «инструментальной» метафорикой и сквозными темами, склоняются к разным способам их проблематизации. Это никак не четыре устойчивые и одинаковые опоры, четыре ножки одного стола, ведь стол этот разбалансирован и шатается. Тексты из разных глав могут читаться как отрывки из очень разных монографий. Мало ли в мире выходит работ, посвященных языку травмы, или языку интернета, или проблемам образования на языках меньшинств? Есть ли смысл объединять их под одной обложкой? Как мне представляется, смысл есть.

В отличие от западной социолингвистики, в России пока нет огромного массива собственно социолингвистических исследований и не сложился еще метаязык описания того, как язык функционирует в обществе. Безусловно, есть отдельные частные работы, но их критической массы недостаточно, чтобы произошел принципиальный прорыв. Более того, и с этим, по видимому, связан как раз критический пафос некоторых исследователей, избегающих нейтрального чисто научного описания: пресловутое нейтральное научное описание само (как показывает открывающая первую главу статья Евгения Савицкого) может становиться объектом рефлексии и компрометироваться как бессознательное выражение имперского колониалистского дискурса. Как же писать научный текст, если под сомнение ставится и язык науки, и статус ученого как эксперта? Может быть, в этой ситуации действительно имеет смысл смешать в алхимической колбе как можно больше самых неожиданных ингредиентов и надеяться, что из них родится философский камень? Не должен ли, таким образом, новый язык описания написать себя сам, в том числе и через книги, подобные «Настройке языка»? Конечно, такая научная магия — закливание языка — лишь еще одна метафора. Но, как мне кажется, сведение вместе разных подходов и столкновение точек зрения на проблему «коммуникации» чрезвычайно продуктивны, так как позволяют и разным авторам, и читателям, во-первых, выйти из своего уютного узкодисциплинарного мирка и осознать, с каким непонятным и неустойчивым объектом (и объектом ли? — не использует ли и он их как свой инструмент?) они имеют дело, а во-вторых, попытаться создать новый, принципиально не монологичный, а диалогический, ориентированный на коммуникацию сразу на многих языках режим научного описания.

Библиография

Ricento Th. Language Policy: Theory and Practice. An Introduction // Ricento Th. (ed.). An Introduction to Language Policy: Theory and Method. Malden: Blackwell, 2006. P. 10–23.

Spolsky B. Language Management. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 308 p.

Капитолина Федорова

A Review of E. G. Lapina-Kratasyuk, O. V. Moroz, E. G. Nim (eds.), *Nastroyka yazyka: upravlenie kommunikatsiyami na postsovetskom prostranstve* [Language Setting: Managing Communications in Post-Soviet Space]: A collective monograph. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2016, 448 pp. (Nauchnoe prilozhenie. No. 153).

Капитолина Федорова

European University at St Petersburg
3 Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia
fedorova@eu.spb.ru

The ways people use languages in their everyday life and culture can reveal a lot not only about their circumstances but about the perceptions they have of their lives and positions in society. It is not surprising then that in any times and under all political regimes, people aspiring to power aim to control not only financial and political processes but language as well; it is used to impose their will on others. However, these attempts often fail, and language slips away from them, turning in something totally different — a language game, joke, or jest. That’s why this process of “seizing language” is so interesting for professional linguists: they see language not as a hammer for nailing ideas in people’s heads, but rather a delicate instrument measuring even tiny social changes. A collective monograph written as part of the research program of the Center for Cultural Studies at the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration seeks to reflect on linguistic processes in the post-Soviet space and find correlations between different regimes of language use, new “discourses and vocabularies”, and social and cultural practices and norms of post-Soviet countries.

Keywords: language policy, discourse, post-Soviet countries, communication studies, sociolinguistics, linguistic processes, regimes of language use.

References

- Ricento Th., 'Language Policy: Theory and Practice. An Introduction', Ricento Th. (ed.), *An Introduction to Language Policy: Theory and Method*. Malden: Blackwell, 2006, pp. 10–23.
- Spolsky B., *Language Management*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009, 308 pp.